

Глава 19

«Раз они пришли к тебе, а ты сразу ко мне, значит, метили они явно в меня»

Фан Цзычэнь недовольно скривился:

— И чего им опять неймётся?

Хэ Чжи вкратце обрисовал намерения Ма Дачжуана.

У Гуай-цзай при одном упоминании этого семейства перед глазами вставали жуткие картины прошлого. При имени Ма Дачжуана мальчик и вовсе задрожал всем телом; его крохотные ручонки вцепились в одежду Фан Цзычэня, и он уткнулся лицом ему в грудь, мгновенно растеряв всю свою недавнюю весёлость.

Снаружи донёлся лёгкий стук — должно быть, ветер повалил что-то во дворе. Староста не обратил на это внимания и серьёзно спросил:

— Ты что об этом думаешь? Скажи мне как на духу, по-соседски.

Фан Цзычэнь бросил взгляд в окно. Дождь понемногу стихал, небо чуть посветлело, но над головой всё ещё висели тяжёлые свинцовые тучи — к ночи наверняка снова разразится гроза.

Гуай-цзай весь напряжился. Он перестал тянуть юношу за ворот и крепко обхватил его за шею, словно только так мог почувствовать себя в безопасности.

— Отец... — едва слышно прошептал он.

Малышу уже исполнилось три года, он прекрасно понимал, о чём говорят взрослые. Семья Ма была для него местом страха, и возвращаться туда он не хотел.

Цзычэнь, подражая тому, как обычно делал Чжао-гэр, принялся мерно похлопывать мальчика по спине:

— Ну чего ты, маленький? Что случилось?

Гуай-цзай, не поднимая головы, пробормотал куда-то в плечо:

— Не люблю... дедушку.

Фан Цзычэнь не сразу сообразил, о ком речь, и лишь мгновение спустя понял, что под «дедушкой» малец подразумевает Ма Дачжуана.

Не дождавшись ответа, ребёнок потёрся щекой о его плечо и нежно позвал: «Отец». А когда Цзычэнь повернулся к нему, малыш расплылся в улыбке, сверкнув ровным рядом белых зубок.

В душе юноши в этот миг что-то окончательно дрогнуло.

Когда такой крохотный, послушный и славный ребёнок называет тебя отцом, ты готов перегрызть глотку любому, кто посмеет его отобрать.

— Дядя, вам об этом беспокоиться не стоит, — твёрдо произнёс он.

Староста засомневался:

— И всё же, что ты планируешь делать?

Хэ Чжи и сам не знал, чего ждать. По его мнению, если выбирать между тремя лянами серебра и гэром с ребёнком, который уже состоял в браке — любой нормальный человек выберет деньги. За три ляна можно взять в дом чистую девицу — разве это не лучше? К тому же Фан Цзычэнь поначалу и вовсе не горел желанием брать Чжао-гэра, согласившись лишь из жалости.

Цзычэнь снова глянул в сторону двери, задумался и ответил:

— А мне кажется, Чжао-гэр — человек замечательный. Смирный, послушный и к работе приучен.

До того как судьба забросила его в деревню Сяохэ, юноше не было и восемнадцати. Мысли о браке казались чем-то бесконечно далёким — в его прежнем мире жениться не спешили. Он никогда не рисовал в воображении образ будущего спутника. Мать, бывало, спрашивала: «Ну, наш Сяо Фанцзы, какие девушки тебе по вкусу? Ты скажи, а я пригляжу подходящую».

Он тогда отвечал как все: «Лишь бы собой была хороша».

Чжао-гэр, конечно, был смугловат, но черты лица имел тонкие. К тому же его кроткий нрав пришёлся Фан Цзычэню по душе. И хотя до настоящей любви было далеко, симпатия между ними определённо зародилась.

Услышав это, староста невольно вздохнул с облегчением.

— Если хочешь оставить его у себя, лучше не тяни и поскорее отдай эти три ляна семейству Ма. А то они ещё чего доброго выкинут. Ма Дачжуан и Ма Эрчжу — люди грубые, но бесхитростные, а вот Ма Лаосань — тот с головой дружит. Выкупишь расписку о продаже — и на душе спокойнее станет. Есть у тебя деньги? Если нет, я могу одолжить.

Фан Цзычэнь покачал головой:

— Сейчас нет.

Староста уже поднялся с места:

— Тогда я схожу домой и принесу. Отдашь, когда разбогатеешь.

— Не нужно, — отрезал Цзычэнь.

— Да брось ты, нечего передо мной чиниться!

— И не думаю, — усмехнулся юноша. — Сейчас денег нет, но завтра я получу расчёт, и всё будет.

Хэ Чжи открыл было рот, но промолчал.

«Мешки на пристани ворочал полмесяца — и уже три ляна заработать мечтает? Не иначе как бредит парень»

Цзычэнь снова посмотрел на выход и вдруг заметил:

— Староста, кажется, сейчас ливанёт как из ведра.

«Шли бы вы лучше домой поскорее»

Проводив гостя, Фан Цзычэнь подхватил Гуай-цзяя на руки и пошёл на кухню. Там он увидел Чжао-гэра: тот застыл как вкопанный с чашкой воды, даже не заметив, как они вошли.

Судя по всему, он слышал каждое слово.

Раньше юноша радовался, что после стольких лет издевательств характер супруга не ожесточился. Но теперь он понял: Чжао-гэр был болезненно чувствителен и совершенно не

уверен в себе. Любая мелочь повергала его в трепет.

Как сегодня утром: побежал под ливнем на пристань и, если бы Цзычэнь сам не вышел к нему, простоял бы там весь день, промокший до нитки, а потом тихонько вернулся бы назад.

— Чжао-гэр? — негромко позвал он.

Тот поднял на него глаза, полные беззащитной тоски.

— Ты... — он внезапно протянул руку и мёртвой хваткой вцепился в запястье Цзычэня. — Фуцзюнь... молю тебя, не отдавай меня им! Я не хочу обратно, умоляю, я тебя умоляю...

Он второй раз назвал его «фуцзюнь». В первый раз Фан Цзычэню это обращение не слишком понравилось, и гэр, заметив это, больше не решался так его звать.

Руки его были ледяными, самого его била крупная дрожь. Юноша, не ожидавший столь бурной реакции, на мгновение опешил. Видя его молчание, Чжао-гэр разжал пальцы и в отчаянии согнулся, обхватив голову.

— Папочка! — Гуай-цзай вырвался из объятий и бросился к отцу. Малыш обнял его, всхлипывая: — Папочка, не плачь! Гуай-цзай будет слушаться, только не плачь...

Они плакали беззвучно, лишь плечи их мелко вздрагивали, а крупные слёзы падали на пол.

Фан Цзычэнь почувствовал себя крайне неловко. Двое из его семьи сбились в комочек и рыдают навзрыд, а он стоит рядом и словно не при делах.

«Может, мне тоже сесть рядом и всплакнуть для приличия?»

— Я уже говорил тебе: я никуда не уйду. А если и соберусь, то заберу тебя и Гуай-цзая с собой. Раз ты называешь меня мужем, а он — отцом, значит, я в ответе за вас обоих. И я говорю это в последний раз.

Услышав знакомый голос, супруг поднял голову. Фан Цзычэнь опустил перед ним на корточки; взгляд его был серьёзным — в этот миг он ни капли не напоминал беспечного повесу.

— Ты мой фулан. И пока ты мне верен, я никогда тебя не брошу. Если ты всё ещё не веришь — что ж, буду таскать тебя за собой везде, хоть на поясе привяжу, идёт? — юноша ласково погладил его по голове. — Если кто посмеет тебя обидеть — только скажи, я за тебя горой встану. Я повторяю это в последний раз, запомни.

Чжао-гэр утер глаза и лишь спустя минуту смог разглядеть лицо мужа сквозь пелену слёз.

— Правда?

— Правда. Мужчина слов на ветер не бросает. А если нарушу слово — зови меня своим внуком.

Гэр всё ещё не мог унять дрожь:

— Не смей меня обманывать.

— Ладно, не обману. А если обману — пусть я стану собакой, — выдохнул Цзычэнь. — Уж после такой клятвы ты мне веришь?

— И пусть тебя гром поразит, — добавил Чжао-гэр.

Фан Цзычэнь: «...»

Говорят, что нет ничего опаснее гнева гэра... И впрямь, язычок у него не из мягких.

— Хорошо, хорошо, — Цзычэнь легонько ущипнул его за нос. — Будь по-твоему. Доволен?

Чжао-гэру было больно, но он не попытался отстраниться. Он слабо улыбнулся:

— Угу.

— Ну, больше чтоб я такого не видел, — юноша отпустил его и снова взял на руки сына. — Мало того что Гуай-цзая напугал, так мне ещё и возиться с тобой, успокаивать...

Чжао-гэр уже хотел подняться, как Фан Цзычэнь добавил:

— Ты ведь на год старше меня, а ревёшь по любому поводу. Не стыдно?

Чжао-гэр: «...»

— Ну, будь я на твоём месте — в девятнадцать-то лет нюни распускать... мне бы неловко стало.

— ...

— Тебе не стыдно? Видать, нет — даже не покраснел. Хотя у некоторых от стыда не лицо

краснеет, а задница. А ну-ка, повернись, я штаны спущу — проверю.

— ...

Видя, что лицо Чжао-гэра стало мрачным и он вот-вот сорвётся, Цзычэнь со смехом отступил.

— Да шучу я! «Мужчины тоже плачут, и в этом нет вины» — так что реви сколько влезет, я смеяться не буду.

Лицо супруга начало светлеть, как вдруг Фан Цзычэнь выдал:

— Впрочем... а мужчина ли ты?

Выражение его лица стало озадаченным. Чжао-гэр услышал, как он понизил голос и зашептался с Гуай-цзаем:

— Сына, а ты видел у папочки...

Остальные слова Чжао-гэр разобрать не смог.

Малыш уже многое понимал; его глаза всё ещё блестели от слёз:

— Да, мы с папочкой вместе в ванне мылись.

— Вот как? — Цзычэнь украдкой бросил взгляд на супруга и тут же отвернулся. — Надо будет как-нибудь подсмотреть... чисто из любопытства. Хотя это, наверное, звучит как-то по-извращенски, а?

Чжао-гэр: «...»

Он никогда прежде не встречал таких людей. Когда муж хотел быть добрым — он согревал душу, но стоило ему открыть рот в другой раз — и он мог довести до белого каления. Только что ласково утешал, и вот уже снова паясничает.

Этот Фан Цзычэнь... невыносимый человек.

Ночью действительно разразилась гроза. Цзычэнь притащил в главную комнату доски, и они устроились спать вместе.

Дом этот строил ещё дед старосты, и ему было уже не меньше полувека. Грохот дождя не давал сомкнуть глаз, и Цзычэнь ворочался почти всю ночь. Лишь под утро он наконец провалился в тяжёлый сон.

Разумеется, проспал.

Когда Чжао-гэр принёс ему миску лапши, Фан Цзычэнь уже в спешке натягивал одежду:

— Некогда мне, ешьте сами!

— Да вроде ещё не поздно, успеешь поесть.

— Управляющий велел сегодня прийти пораньше.

— Тогда хоть в городе купи себе пампушку, — крикнул ему вслед Чжао-гэр.

Цзычэнь что-то буркнул в ответ, но, добравшись до города, припустил на пристань. После дождя дорога превратилась в месиво, он и так задержался. Все его мысли были только о трёх льянах.

На душе у Фан Цзычэня было скверно. Он-то мечтал, как заработает эти деньги и закатит пир горой, а в итоге...

«Чёрт бы их побрал! Как закончу работу — наведаюсь к этому семейству Ма. Уж я-то из них всю душу вытрясу»

<http://bllate.org/book/15357/1417623>